

Глава 1

ИНТРО

Сына она назвала Ярославом. Если повезло родиться Царевичем, доступно немного вариантов, которые будут хорошо сочетаться с фамилией. Дмитрий или Алексей, к примеру, сразу отпадают. Зачем ребенку с самого рождения такие печальные ассоциации? Одного совсем маленьким в Угличе зарезали, а другого расстреляли в подвале екатеринбургского дома...

Иван по понятным причинам тоже отпадает. Иванушка-дурачок, младший сынок, ага. Но у нее он единственный.

И про отчество нельзя забывать — Елисеевич, подумать только! Долго выбирала, даже списки имен изучала, пока в самом конце не наткнулась на «Ярослава». Ради этого стоило запастись терпением и добраться до последней буквы алфавита.

Имя сразу понравилось ей и в полной версии, и в уменьшительных — Яр, Ярик... «Слава» не очень вдохновлял, но это не проблема — можно и самой так не называть, и остальных попросить. Не самый очевидный вариант для «Ярослава»: если слышишь «Слава», в первую очередь приходит в голо-

ву «Вячеслав» или «Владислав». Значение имени, конечно, подкачало: «слава ярости». Почему ярости слава, спрашивается? Имелась, правда, и другая расшифровка — «яркая слава». Вот это гораздо больше подходит. На том и остановимся...

С отцом ребенка Василиса советоваться не собиралась. Она пережила беременность и вытерпела роды, а что сделал он? Если бы женился на ней, еще можно было бы подумать, а так — и говорить не о чем. Просто поставила перед фактом, и возражать он не посмел. Спасибо, что фамилию свою дать не отказался. Послушно ходил вместе с ней в загс и зарегистрировал сына на свое имя.

— Вы отец ребенка и желаете подтвердить это документально? — церемонно обратилась к нему сотрудница, узнав, что брак не заключен.

Фраза прозвучала неуместно торжественно — видимо, стены обязывали, — и Василиса слегка смутилась. Что ж, если не было свадьбы, остается довольствоваться этим...

— Да, — неловко согласился Елисей.

Девушка невозмутимо кивнула и отправила его оплачивать пошлину. Тем временем положила перед ней лист бумаги и велела написать фамилию, имя и отчество ребенка.

«Ярослав Елисеевич Царевич», — вывела Василиса и подивилась, как сказочно это выглядит. До сих пор воспринимала сочетание исключительно на слух и не подозревала, как оно будет смотреться в письменном виде. Выходило весьма неплохо!

Вернулся Елисей с чеком. В результате она обзавелась сразу двумя документами: в придачу к свидетельству о рождении получила еще и «свидетель-

ство об установлении отцовства». В нем значилось, что гражданин Царевич Елисей Глебович является отцом ребенка, родившегося у гражданки Загорской Василисы Андреевны...

Да, у нее тоже красивая фамилия, но с Царевичем, конечно, не сравнить. Жаль, ей самой не довелось Царевной стать. То есть Царевич. В женском варианте подобные фамилии не склоняются.

Впрочем, «Василиса Царевич» смотрелось бы куда более странно, чем Елисей или Ярослав. Лучше она Загорской останется. Не придется привыкать к чужой фамилии и менять кучу документов...

Они вышли на крыльцо и остановились. Василиса грустно усмехнулась: все-таки сходили в загс, хоть и совсем по другому поводу.

Стоял холодный осенний день, она была в плотных джинсах — не надевала их с прошлого года и с утра порадовалась, что легко влезла. Но у нее даже во время беременности фигура не сильно изменилась, что уж говорить про после.

Василиса молча ждала, что он скажет. С ребенком мама осталась, можно не торопиться.

— Ладно тогда, — замялся Елисей. — Пойду я. Звони, если что...

Хлопнула входная дверь, и Василиса очнулась от воспоминаний. Теперь важно правильно рассчитать момент. Появиться в прихожей, когда он разденется, чтобы это не выглядело, будто она караулила под дверью, но до того, как нырнет в свою комнату и до него уже не достучишься.

Шуршит куртка, пристроенная на вешалку. Со стуком падают на пол кроссовки — никогда не ста-

вит их аккуратно на коврик, вечно потом лужи вытирать приходится. Вжикает молния рюкзака... Кажется, пора!

— Привет.

Хмурый взгляд исподлобья, но все же снисходит до ответа:

— Привет.

— Как дела? — Не придумала ничего лучше этого банального вопроса, а ведь времени было более чем достаточно.

Снова насупленный взгляд. Василиса чувствовала его нетерпение, раздражение и желание как можно скорее скрыться у себя. Но формального повода нагрубить пока не было, поэтому он так же сухо отозвался:

— Все нормально.

— Есть будешь?

— Нет.

— Где-то ел?

— Просто не хочется.

— Ярик, так нельзя...

— Сколько раз просил не называть меня так! — скривился он.

Василиса прекрасно знала, но все равно употребила именно этот уменьшительный вариант, чтобы вывести сына хоть на какие-то эмоции. Пусть лучше орет, чем отделяется односложными ответами и безвылазно сидит у себя, запершись. И как соседи на них до сих пор в полицию не заявили...

— И как же тебя называть?

Пока она оставалась спокойной, но чувствовала, что тоже закипает и скоро сорвется.

— Яр, — подумав, сообщил он. — Или просто Ярослав.

— Может, еще и по отчеству?
— Нет, по отчеству не надо! — наконец взорвался он. — Хватит с меня Царевича!
— А что не так с Царевичем? — нарочито удивилась она.
— Да все не так! Сама ты почему-то не Царевич! Не могла мне свою фамилию дать? Все равно с отцом не живете.

Запал спорить прошел внезапно, как и появился. Василиса устало заметила:

— Тогда казалось, что так будет лучше.
— Для кого?
— Для всех.
— Для всех, кроме меня.
— В чем же дело? Исполнится восемнадцать, и меняй фамилию на здоровье, — в сердцах предложила она.

Действительно — зачем им цепляться за этого Царевича? Надо иногда уступать и поддерживать ребенка в полезных начинаниях. Правда, Василиса знала его нежелание таскаться по инстанциям, поэтому не рассчитывала всерьез, что сын воспользуется ее щедрым предложением.

Так и вышло. Едва дело дошло до конкретики, его пыл сразу угас.

— Я подумаю, — хмуро пообещал он без всякого энтузиазма в голосе.

— Иди ужинать, — заявила Василиса тоном, не предполагающим возражений.

— Ладно, — пробурчал он, направляясь в свою комнату.

Теперь это ее не пугало — она внутренне ликовала. Маленькая, но победа! Сын уже не закроется

у себя и не станет держать глухую оборону. Переоденется в домашнюю футболку и шорты, помоеет руки и нарисует на кухне как миленький. И тогда, возможно, получится у него что-нибудь выведать...

Разогревая ужин, Василиса почему-то снова вспоминала тот хмурый осенний день и их с Елисем единственный поход в загс. «Звони, если что»... Вот как заговорил! Куда все делось? Страсть, дрожащие руки, плещущееся в глазах желание... Дня без нее не мог прожить, даже в ее квартирку перебрался, чтобы всегда быть рядом.

Ничего этого теперь нет, начиная с квартиры. Пришлось отказаться от съемной и перебраться обратно к маме — там хотя бы две комнаты, а одной ей с ребенком было точно не справиться. Потом все же пришлось разъехаться, когда сын немного подрос. Стало тесновато, и ему тоже потребовалось личное пространство...

Не было ни выяснения отношений, ни серьезного разговора, ни душераздирающей сцены. Все решилось само собой — не приводить же туда Елисея! А он воссоединиться не предложил... Да и где — в доме его родителей? На это Василиса никогда бы не согласилась, учитывая, как они относились к ней самой и заочно к ребенку¹. А снимать квартиру и содержать ее в декрете мальчик бы не потянул, он же только в университете восстановился. Или жениться и работать, или учиться... Конечно, Елисей выбрал второе: учебу ему родители оплачи-

¹ Подробнее читайте об этом в романе Анны Антоновой «Омут Царевны».

вали, а на остальное он бы никаких средств от них не дождался.

Ребенок, да еще и мальчик! Ничего подобного Василиса не планировала, не ждала и не готовилась. Все получилось почти случайно, будто по велению свыше. На самом деле никакой мистики, разумеется, просто так совпало. Она и не надеялась, что Елисей на ней женится, — вообще не представляла их дальнейшие отношения и тем более совместную жизнь.

Он тогда в армии был — посетило парня странное желание отправиться служить в восемнадцать лет, бросив университет на первом курсе. Не совсем бросил, конечно, — взял академический отпуск и спустя год благополучно восстановился примерно в то же время, когда они ходили в загс свидетельствовать об отцовстве оформлять. Ничего особенно не потерял, как оказалось, просто удовлетворил неискоренимую потребность всех мальчишек поиграть в войну и съездил покататься годик на своих любимых танках. Елисей — «танкист» со стажем, но видел их до этого только на мониторе в компьютерной игре. А вот в части довелось управлять настоящим — оставило сильнейшие впечатления, как он успел ей рассказать...

Благодаря службе Елисей пропустил всю ее беременность, да и роды тоже — очень удачно получилось. Василиса не ерничала, а искренне так считала: не хотелось, чтобы он видел ее изменившуюся фигуру, был в курсе осмотров и обследований. Хотя ничего катастрофического с ней не произошло: лицо пятнами не покрылось, веса набрала немного, переваливаясь с ноги на ногу, как утка, не бродила —

всегда строго следила за походкой. Да и животик до последнего был вполне компактный, совсем небольшой — повезло с типом фигуры.

О том, чтобы Елисей присутствовал при родах, Василиса и помыслить не могла — сдалось ей такое счастье! Она категорически не понимала женщин, которые тянули своих мужей на это неподходящее с эстетической точки зрения мероприятие. Пришлось бы заботиться не только о том, чтобы все прошло благополучно, но и о своем внешнем виде, а это бы отвлекало и дополнительно выматывало.

Имелась у нее сомнительная суперспособность — постоянно видеть и оценивать себя со стороны, глазами других людей. Временами приходилось тяжело, зато это позволяло ставить себя на их место — тоже частенько пригождалось.

Вот и сейчас она легко считывала настроение сына, улавливая момент, когда с ним можно поговорить по душам, а когда лучше не трогать. Сегодня, наверное, не надо — поздно уже, да и он явно не готов откровенничать. Стоит перекинуться парой фраз на незначительные темы, но лучше пусть просто поест и ложится спать. А завтра утром...

Как раз выходной, можно полежать в постели подольше и никуда не торопиться. Он выспится, позавтракает и, если сразу никуда не убежит, она попробует к нему подступиться. Впрочем, обычно он уходит по вечерам. Дорого бы она дала, чтобы узнать, куда, к кому и зачем...

* * *

Куда девается любовь? Ладно бы еще это происходило плавно — с трудом, но можно понять. Чувства постепенно угасают и все такое. А если внезапно, буквально в одночасье: вчера сердце колотилось как бешеное при виде этого человека, а сегодня смотришь и не понимаешь — что в нем раньше было удивительного и волшебного? Такой же, как все...

Вспоминаешь свои недавние эмоции и поражаешься: что со мной было? Как это происходит — определенный гормон перестает вырабатываться? Тот, который за влюбленность отвечает. Как же он называется... Дофамин, окситоцин?

Но объяснять все банальной физиологией скучно. Получается, человек в этом плане ничем не отличается от оленя в брачный период. А как же сознание, разум, интеллект? Или к влюбленности они не имеют отношения?

Если подумать об этом всерьез, становится страшно. От тебя самого ничего не зависит. Понравится ли кто-нибудь, решает вовсе не мозг и даже не сердце — просто насос, исправно перекачивающий

по организму кровь. Неправильно в песне поется про «мотор» — это как раз скорее мозг...

Сердце начинает учащенно колотиться при виде объекта симпатии, вот ему и приписывают некие душевные свойства. Конечно, оно ничего не подсказывает и не вещает. У человека для этого есть другие органы...

Глава 2

ВТОРАЯ ОКТАВА

Телефон зазвонил, когда Ярик поел и ушел спать. Или не спать — кто знает, чем он там занимается по ночам? Не станешь же заглядывать и проверять. Ничего особенного он ей не рассказал, хотя Василиса несколько раз подбиралась с разных сторон, проявляя чудеса дипломатичности. Общение с подростками — как ходьба по минному полю: одно неверное слово, даже интонация, и взрыв неизбежен. Ярик... Про себя-то она имеет право называть его так, как ей хочется?

Василиса не лукавила, говоря, что не против сменной фамилии. Хватит с нее Царевичей! Сначала огорчалась, что самой не довелось примкнуть к их славному племени, а теперь была довольна. И дело даже не в замене документов. Каково лишиться фамилии, если привыкла к ней с рождения? А ведь другие женщины запросто проделывают это, и даже не один раз. Легко ли приспособиться и начать откликаться на фамилию, которая тебе никогда не принадлежала? Сколько должно пройти лет, чтобы воспринимать ее своей? Нет уж, хватит того, что она Василиса...